

Д. С. Труханова

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
<https://orcid.org/0000-0002-9710-9293>

Правительственный час как коммуникативное событие в русскоязычном парламентском дискурсе

Для цитирования: Труханова Д. С. Правительственный час как коммуникативное событие в русскоязычном парламентском дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 94-103.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-94-103

В российском двухпалатном парламенте правительственный час представляет собой публичную форму взаимодействия исполнительной и законодательной властей с целью реализации последней функции парламентского контроля. В рамках правительственного часа представители исполнительной власти, приглашенные должностные лица, отчитываются о проделанной работе представителям законодательной власти, депутатам и сенаторам. Экстралингвистические факторы определяют особенности коммуникативного поведения участников правительственного часа, которое характеризуется сложной интенциональной и стратегемно-тактической структурой, реализуемой широким набором языковых средств. В статье на основе анализа стенограмм и видеogramм правительственных часов в Государственной Думе и Совете Федерации при помощи синтеза исследовательских методов определяются основные интенции типичных участников коммуникативного события «правительственный час» в каждой из палат, выявляется структура правительственного часа как коммуникативного события, его основные пространственно-временные характеристики. Проведенное исследование показало, что в ритуализованном парламентском дискурсе правительственный час – это планируемое коммуникативное событие, которое проводится по заранее утвержденному плану в строго определенное время, строится вокруг определенного топоса. Разные структурные элементы коммуникативного события «правительственный час» характеризуются разной степенью текстоориентированности. Повышенный уровень диалогичности отмечается в той части правительственного часа, когда приглашенные должностные лица отвечают на вопросы парламентариев. Приглашенные чиновники попадают в уязвимую позицию, так как их деятельность и деятельность представляемых ими органов власти становится объектом парламентского контроля. С целью позитивной самопрезентации, сокращения уязвимости и повышения авторитета приглашенное должностное лицо использует различные стратегии и тактики, реализуя их разнообразными языковыми средствами. Сходства основных характеристик коммуникативного события «правительственный час» в Государственной Думе и Совете Федерации позволяют рассматривать дискурсы этих палат в конкретно взятой ситуации как единое коммуникативное пространство.

Ключевые слова: институциональный дискурс; политический дискурс; парламентский дискурс; правительственный час; коммуникативное событие; митигация.

D. S. Trukhanova

Government hour as communication event in russian parliamentary discourse

In the Russian bicameral Parliament, the government hour is a public form of interaction between the executive and the legislative branches of power intended for the latter to implement the parliamentary control function. Extralinguistic factors define the communicative behavior of the government hour participants which features intentional and strategic complexity. The analysis of official transcripts and video records of government hours in the State Duma and the Federation Council allows for defining typical characteristics of the government hour as of a communication event, the analysis done via use of a synergy of research methods. The study has shown that in a ritualized parliamentary discourse the government hour is a pre-planned communication event held in accordance with a fixed plan at a specific time and built around a specific topos. Different structural elements of the government hour communication event are characterized by different degrees of orientation towards text. An increasing level of dialogics is observed at the point when invited officials answer the parliamentarians' questions. In is in this part of the government hour that the invited officials are in a vulnerable position. For the purpose of positive self-presentation, reduction of vulnerability and enhancement of positive credibility, the invited officials use various strategies and tactics implemented through a variety of language tools. The characteristics shared by government hour (communication) event in the State Duma and the Federation Council allow us to consider the ad hoc discourses of the two chambers of the Russian parliament as a single communicative space.

Keywords: institutional discourse; political discourse; parliamentary discourse; government hour; communicative event; mitigation.

Введение

Пространство политического дискурса неоднородно, в нем можно выделить ядерную и периферийную части [Шейгал, 2004, с. 35]. Ядерная часть – институциональный политический дискурс, то есть *особое использование языка политическими субъектами в сфере институциональной коммуникации*. Образцом институционального политического дискурса можно считать дискурс парламента как иерархически устроенного законодательного органа власти. Парламентский дискурс активно изучается в России и за рубежом как «вершина политической коммуникации» [Алфёров, Кустова, Попова, 2016, с. 5]. Русскоязычный парламентский дискурс получает лингвистическое описание в основном в компаративных исследованиях, среди исследований, выполненных полностью на русскоязычном материале, можно отметить работы, посвященные парламентаризму 90-ых годов XX века [Баранов, Казакевич, 1992; Культура парламентской речи, 1994], начала XX века [Громыко, 2016; Сметанин, 2014; Царьков, 2010 и др.]. Современный русскоязычный парламентский дискурс исследуется в меньшей степени, что, возможно, объясняется утвердившейся исследовательской традицией (исследуется наиболее репрезентативный материал, формирующиеся русскоязычные дискурсивные парламентские практики меньше привлекают лингвистов), особенностями российского парламентаризма (сильная президентская власть, конфронтационный стиль взаимодействия исполнительной и законодательной властей, сниженная авторитетность в обществе и др.). Вместе с тем именно названные выше факторы актуализируют лингвистическое описание парламентского дискурса.

Русскоязычный парламентский дискурс реализуется во множестве коммуникативных событий разного ранга, связанных с существующими формами деятельности обеих палат российского парламента (Федерального Собрания, состоящего из Совета Федерации и Государственной Думы, далее – ФС, СФ, ГД): заседания ГД и СФ, заседания входящих в их состав комитетов, комиссий и др. Мы рассматриваем коммуникативное событие как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова, 2005, с. 13]. Такой подход развивает идею об исследовании дискурса как един-

ства языковой формы, значения и действия [ван Дейк, 1989, с. 122], однако мы не отождествляем коммуникативное событие и дискурс. Последний реализуется во множестве коммуникативных событий. Мы также не отождествляем коммуникативное событие с коммуникативной ситуацией (первое – динамично, вторая – статична), речевым актом (соотносятся как часть и целое), речевым жанром (последний функционирует как речевая/текстовая реализация коммуникативного события).

Крупные коммуникативные события могут включать малые, например, заседание ГД/СФ – правительственный час в ГД/СФ, час субъекта и час эксперта в СФ. Каждое из них имеет свою специфику, описание которой позволяет сформировать представление о разных формах институциональной коммуникации, в том числе о взаимодействии разных ветвей власти, привлекающее внимание исследователей [например, Bull, 2012; Mohammed, 2018; Головина, 2019]. Правительственный час в ГД/СФ РФ – одна из точек пересечения дискурсов исполнительной и законодательной ветвей власти, выделенное на заседании ГД/СФ время, когда контрагенты парламентского дискурса (приглашенные должностные лица (далее – ПДЛ), представители исполнительной власти) встречаются с агентами парламентского дискурса (депутатами/сенаторами, представителями законодательной власти). ПДЛ и его деятельность становится объектом парламентского контроля. Ассиметричные отношения участников правительственного часа определяют основные характеристики этого коммуникативного события.

Определение и описание этих характеристик представляет **цель нашего исследования**. К **задачам** исследования мы относим: определение целей и характеристик основных участников коммуникативного события, выявление его структуры и хронотопа, экспликацию его стратегемно-тактического рисунка. **Эмпирической базой** исследования стали стенограммы и видеозаписи правительственных часов в ГД VII созыва (октябрь 2016 – июль 2019 гг.) и СФ (за аналогичный период); 36 – в ГД, 59 – в СФ.

Правительственный час: цель, участники, структура

Правительственный час сами парламентарии часто называют «*форматом*» и «*рубрикой*» общения, уже на интуитивном уровне осмысляя его как самостоятельное, целостное коммуникативное

Таблица 1

**Структура правительственного часа
как коммуникативного события**

ГД	СФ
Объявление о начале правительственного часа	Объявление о начале правительственного часа
Выступление ПДЛ	Выступление ПДЛ
Выступление аудитора	Время вопросов сенаторов и ответов ПДЛ
Счетной палаты	Выступление аудитора
Выступление представителя Комитета по регламенту и контролю	Счетной палаты
Выступление представителя/главы профильного комитета и представителей других органов власти, чья деятельность связана с обсуждаемыми проблемами	Выступление представителя профильного комитета и других членов палаты
Вопросы депутатов и ответы ПДЛ	Принятие проекта постановления о результатах правительственного часа
Выступление представителей от фракций	Объявление о завершении правительственного часа
Заключительное слово ПДЛ	
Принятие проекта постановления о результатах проведения правительственного часа	
Объявление о завершении правительственного часа	

событие. Его цель – обсуждение сенаторами и депутатами совместно с ПДЛ важнейших вопросов внутренней и внешней политики. Депутаты/сенаторы и ПДЛ – это основные участники правительственного часа.

Приглашенными на правительственный час должностными лицами могут быть федеральные министры (и уполномоченные ими лица), председатель Правительства РФ (не реже 1 раза в год) и иные члены Правительства РФ и руководители других федеральных органов власти. Мы рассматриваем в настоящем исследовании ПЧ, в которых принимают участие федеральные министры. Статусные характеристики иных должностных лиц меняют структуру правительственного часа, а также в парламентских отчетах не всегда рассматриваются как правительственный час. Хотя представители исполнительной власти до определенной степени противопоставляют себя исполнительной, и сенаторы/депутаты, и ПДЛ – представители государственной власти. В их риторике много общих мест: подчеркивание важности решения задач, поставленных президентом, забота о населении, совершенствование с этой целью законодательной системы и др. Сложные отношения депутатов/сенаторов и ПДЛ определяют особенности их коммуникативного поведения, структуру правительственного часа.

Структура правительственного часа дискретна, довольно устойчива. Она изменилась незначительно в 2018 году, мы рассматриваем актуальную сегодня структуру. Смена элементов структуры правительственного часа определяет динамику коммуникативного события (таблица 1).

Правительственный час в ГД/СФ как коммуникативное событие имеет одинаковые узловые структурные элементы: объявления о начале и завершении правительственного часа, смене его структурных элементов, выступления ПДЛ и представителей Счетной палаты, ответы ПДЛ на вопросы депутатов/сенаторов, выступления депутатов/сенаторов по заслушанному вопросу.

Выступление ПДЛ – отчет о проделанной работе по заявленному в повестке вопросу. Основная интенция – сообщение ПДЛ информации о работе представляемого им органа власти и личном вкладе в эту работу, создание посредством этого «информирования» положительного имиджа власти, в первую очередь – исполнительной.

Выступление аудитора Счетной палаты – сравнение отчета ПДЛ со статистикой, собранной контролирующим органом в результате проверок. Основная интенция – попытка создания объективной картины работы исполнительной власти.

Основная тема выступлений депутатов/сенаторов по мотивам правительственного часа – оценка работы ПДЛ, представляемых ими органов власти. Выставляя оценки, сенаторы и депутаты стремятся презентовать свои убеждения перед потенциальным электоратом, повысить свой авторитет. Важная интенция в выступлениях сенаторов – просьбы, пожелания, предложения, часто касающиеся применения того или иного законодательного акта в конкретном регионе, в выступлениях депутатов – подчеркнутая презентация политических идей своей партии. Просьбы и предложения от регионов часто упоминаются с целью презентации идеологии партии.

Структура правительственного часа и связь между структурными элементами рассматриваемого коммуникативного события определяется законодательно [Регламент работы ГД, эл. рес.; РФ, Регламент работы СФ РФ, эл. рес.], на содержательном уровне – темой правительственного часа. О переходе от одного структурного элемента коммуникативного события к другому объявляет председательствующий (председатель ГД/СФ или его заместители): сообщает о начале и завершении правительственного часа, обосновывает необходимость коммуникации между ветвями власти по конкретному вопросу, даёт оценку качеству этой коммуникации и поведению всем её участникам. Можно говорить о метакоммуникативной

функции председательствующего. Положительно оценивается соответствие речи участников коммуникативного события регламенту, заявленной теме, а также содержательность и емкость, конкретность речи. Это часто подчеркивается председательствующими на заседании ГД/СФ. Например, В. Матвиенко 11 декабря 2018 на заседании СФ: «Я думаю, что мы не только отметили профессионализм Владимира Владимировича, и содержательный доклад, и материалы, но, согласитесь, и сенаторы в теме, они ею владеют: не было никаких пустых вопросов, все вопросы были профессиональными, предложения – конкретными»

(<http://transcript.duma.gov.ru/node/5048/>). Требования к точности речи олицетворяет профессионализм субъектов ПД, предъявляется и к агентам, и контрагентам ПД.

Если речь участников коммуникативного события не соответствует перечисленным выше условиям, то на них могут быть наложены санкции. Показателен пример, когда 6 марта 2019 года был прерван правительственный час с участием министра экономического развития М. С. Орешкина. Депутаты ГД оценили доклад министра как недостаточно конкретный и были не удовлетворены ответами на последовавшие вопросы (отсутствие точной информации и игнорирование проблем доведения средств, выделенных на национальные проекты, до регионов), как следствие, правительственный час был перенесен.

Председательствующий, прислушиваясь к мнению коллег, обобщает их высказывания и предлагает «перестроить работу», перевести из «формальной плоскости в плоскость КРП, в плоскость достижения конкретных результатов», отказать «от общих рассуждений». Далее: «Если мы не готовы к такому разговору, нам лучше перенести рассмотрение этого вопроса». Предлагая перенести правительственный час, председательствующий использует местоимение «мы», референтами которого в первую очередь выступают ПДЛ, но формально в это «мы» включаются и парламентарии. Такое использование местоимения смягчает критику представителя исполнительной власти. Основная причина, по которой председательствующий вынужден остановить министра, это необходимость выполнить указы президента: «<...> Коллеги, **ресурсы, которые сейчас направлены президентом на реализацию национальных проектов, беспрецедентны, никогда такого не было: 1,7 триллиона рублей на этот год, 1,9 триллиона – на будущий год. Но сейчас уже заканчивается первый квартал, а ещё только договоры заключены, и средства – речь идёт при-**

близительно о 10 процентах – практически, значит, не направлены – о чём мы тогда говорим? Вот об этом речь идёт! Коллеги, берите и используйте то, что сделал президент, ещё раз говорю, это шанс! А нам сейчас почему-то дают прогнозы, касающиеся совершенно других задач, – мы не можем отходить от тех задач, которые поставлены президентом <...>»

(<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>). Этот ход председательствующего позволяет представить причину переноса правительственного часа как необходимость, давление обстоятельств. Отметим, что и агенты, и контрагенты часто упоминают президента, его решения в качестве аргументов, это, хотя и косвенно, всё же отражает специфику российского парламентаризма, развивающегося в условиях действия сильной президентской власти [Гаман-Голутвина, 2007, с. 21].

Завершая свою речь, председательствующий ещё раз приводит аргументы в пользу предложения о переносе ПЧ: «Просто из уважения друг к другу мы стараемся как-то не обострять ситуацию, но это неправильно – время требует другого». Фраза «из уважения друг к другу» камуфлирует прагматику каузативности. Объявить о причине переноса без эвфемистической замены – значит публично унижить представителя одной из ветвей власти, что негативно скажется на имидже другой. Перенос встречи представлен как способ «не обострять ситуацию», тогда как «время требует другого». Председательствующий, используя неопределенное местоимение («другого») вербализует намек на то, что для ПДЛ, провалившего правительственный час, последствия должны быть более жесткими. Председательствующий действительно не обостряет ситуацию: «Пожалуйста, если вы готовы к разговору, давайте продолжим, если не готовы, лучше нам перестроиться, подготовиться, и вы придёте снова. Мы единомышленники, мы будем вам помогать, но вы должны нам сказать, в чём именно». Сначала председательствующий допускает возможность продолжения правительственного часа, возлагая ответственность за это решение на министра, а затем настаивает на переносе, подчеркивая, что это совместно (председательствующим, парламентариями и представителями правительства) принятое решение («нам перестроиться») и демонстрируя готовность парламентариев помогать исполнительной власти («Мы единомышленники, мы будем вам помогать...»), то есть сокращая дистанцию между представителями двух ветвей власти (<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>).

Председательствующий негативно реагирует на попытку министра представить заранее подго-

товленный материал: «*Максим Станиславович, у вас выступление в парламенте один раз в год, сводить его к обсуждению вопроса чисто в разрезе малого и среднего бизнеса будет неправильно*» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>).

Перед окончательным объявлением о переносе правительственного часа председательствующий снова аргументирует свое решение: «*Совершенно очевидно, что реализация послания президента требует более ответственного подхода и более конкретного разговора, коллеги, давайте исходить из этого. Это и нас ко многому обязывает. <...> Коллеги, ещё раз подчёркиваю, что нас всех это ко многому обязывает. У нас есть шанс, давайте его используем для того, чтобы были решены проблемы наших граждан. Коллеги, у нас общее мнение: переносим? Хорошо. Максим Станиславович, наше общее мнение: „правительственный час“ переносится*» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>). Двусоставное предложение, в котором в качестве субъекта выступает трехкомпонентное словосочетание с опорным словом-неодушевленным существительным («*реализация послания президента*»), позволяет председательствующему указать на дискурс президента как на причину переноса встречи. Вместе с тем, очевидно, что конкретный повод переноса встречи – недостаточно качественный доклад министра, игнорирование вопросов парламентариев. Компаративы («*более ответственного*» и «*более конкретного*»), указывающие на неопределенно большую степень проявления признака, используются председательствующим, чтобы вербализовать критику работы исполнительной власти в митигативной форме. Продолжая свою речь, председательствующий использует обращение «*коллеги*», как бы сокращая дистанцию между субъектами ПД, давая возможность адресовать критику ко всем присутствующим («*Это и нас ко многому обязывает*», «*Еще раз подчеркиваю, что нас всех это ко многому обязывает*»). Фокус смещается с критики представителя правительства на речь, мотивирующую всех присутствующих в зале представителей государственной власти исполнять свои обязанности надлежащим образом.

Далее председательствующий имплицитно выражает ещё один аргумент (наряду с необходимостью реализовать послание президента) в пользу переноса встречи – возможность стать более полезными гражданам: «*У нас есть шанс, давайте его используем для того, чтобы были решены проблемы наших граждан*» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>).

Министр, отвечая на обвинения, придерживается стратегии умолчания, в его речи причина, по которой переносится правительственный час (неподготовленность министра), не объективируется вовсе.

Описанный выше прецедент – исключение, станет ли это новой практикой – покажет время. Для нас же ценно, что в потенциально конфликтной ситуации участники коммуникативного события отказываются от выражения потенциально конфликтных интенций прямым способом. Такое коммуникативное поведение характерно для многих субъектов парламентского дискурса, однако в большей степени для председательствующего и ПДЛ.

Пространственно-темпоральные характеристики правительственного часа

Правительственный час проводится строго согласно регламенту (фиксированное место, время начала и конца и т. д.). Глобальные вопросы жизни страны обсуждаются в ограниченное время (например: выступления ПДЛ – 20 и 15 минут в ГД/СФ, вопросы депутатов/сенаторов ПДЛ по 1 минуте, ответы – не более 3 минуты и т. д.), что ограничивает динамичность диалога между участниками правительственного часа.

Правительственный час – планируемое коммуникативное событие, большинство материалов к нему готовится заранее, и затем лишь зачитывается. Институциональное общение вообще сопровождается различными видами текстов. Правительственный час в рамках заседания ГД/СФ не исключение (связан и с повесткой дня, и с материалами к заседаниям, и с текстами речей участников коммуникативного события). Вместе с тем многочисленны отступления. Тексториентированность правительственного часа совершенно нарушается, когда депутаты/сенаторы задают вопросы ПДЛ.

Правительственный час проводится в зале заседания ГД/СФ. Расположение участников определяется иерархической структурой парламентского дискурса: президиум, аудитория (в том числе балкон с гостями), трибуна. Трибуна в парламенте – почти сакральный топос. Слово, сказанное с трибуны, имеет больший вес, на нём могут поймать, призвать к ответственности, что регулярно и происходит. Частотна такая тактика: обещание/заявление, произнесенное с трибуны политиком/группой политиков, цитируется/упоминается другим политиком/группой политиков и далее демонстрируется его неправдоподобность/несостоятельность. Приведем пример. 20 ноября 2018 года на заседании ГД А. Н. Грешневиков («Справедливая Россия») при

очередном обсуждении проблемы вывоза мусора: «С этой трибуны неоднократно с гордостью говорили о том, что в законе прописана статья, что без обсуждения с населением, без разрешения, без учёта общественного мнения ни один полигон строиться не будет и что будет учитываться общественное мнение при завозе мусора». Далее риторический вопрос («Что мы видим?») как маркер начала противопоставления: «Вот я уже сказал, что Москва сегодня очищается за счёт того, что загаживает Ярославскую область: „Скоково“ в 2 раза перегружено, днём и ночью *возят!*» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/5048/>)

Частотно и, наоборот, – указание на заявление с трибуны как на проявление политической несостоятельности депутата/сенатора. Приведем пример. 18 декабря 2018 года на заседании ГД при обсуждении федерального бюджета И. М. Гусева («Единая Россия») обращается к депутатам – представителям оппозиционных партий: «*Депутаты, которые так рьяно призывали не голосовать за федеральный бюджет, не думая о детях, о приоритетах, а сегодня нам говорят: вы не думаете о стране, – может быть, вы ко второму чтению наконец-то подготовите хоть одну поправку, кроме выступлений с трибуны? Говорить то, что хотят услышать люди, зарабатывающая дешёвый авторитет, потому что они хотят это услышать, – это просто, а принимать решение и брать на себя ответственность, – это, конечно, тяжёло*» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/5048/>).

Агенты парламентского дискурса часто напоминают о своих прошлых выступлениях с трибуны. Такая тактика позволяет им продемонстрировать включенность в процесс работы государственной машины: *я/мы/наша фракция/партия с этой (высокой) трибуны неоднократно заявлял(а/и)/выступал(а/и)/говорил(а/и) и др.*

Изучение трибуны как концептуального образования в парламентском дискурсе может быть продолжено в рамках самостоятельного исследования.

Особенности коммуникативного поведения ПДЛ

Участники правительственного часа представляют разные политические институты, находятся под влиянием сильной президентской власти, а также под наблюдением журналистов и удаленного массового адресата. Позиция ПДЛ более сложная, так как работа ПДЛ – объект контроля. Рассмотрим её подробнее. ПДЛ на правительственном часе выступает несколько раз: основной до-

клад, ответы на вопросы парламентариев и (опционально) заключительное слово.

Выступление ПДЛ, как правило, начинается с обращения к председательствующему, депутатам/сенаторам и благодарности за приглашение. Далее – определение тематической доминанты доклада, упоминание поставленной перед представляемым органом власти цели и обсуждение результатов его работы по её достижению, обозначение проблемных зон на этом пути. Завершая доклад, ПДЛ выражает надежду на сотрудничество с ФС/ГД РФ, демонстрирует готовность к совместной работе.

Эта совместная работа начинается непосредственно в зале заседания, во время ответов ПДЛ на вопросы депутатов/сенаторов. Вопросы затрагивают проблемы российской внутренней и внешней политики, но всё-таки ограничены темой встречи, прописанной в повестке.

Отвечая на вопросы, в ситуации условной открытости парламентской коммуникации ПДЛ должно сохранить своё лицо (как представитель конкретного органа власти, как носитель определенной идеологии, как личность [Bailey, 2004, с.18]). Именно поэтому ПДЛ, балансируя между конкретностью, содержательностью речи и демагогией, вынуждено прибегать к использованию коммуникативно-когнитивного феномена митигации. Существует много подходов к определению понятия «митигация» [Caffi, 2007, с. 89; Czerwionka, 2010, с. 234; Florres-Ferran, 2020, с.57; Fraser, 1980, с. 341-343; Martinovski, 2005, с. 1411; Malyuga, 2018, с. 69; Schneider, 2010, с.255; Thaler, 2012, с. 910; Каракулова, 2016, с. 55; Тахтарова, 2009, с. 90 и мн. др.]. Мы придерживаемся следующего: митигация – это *явление из области прагматики, которое позволяет говорящему сократить уязвимость своего лица посредством выделения потенциально конфликтных интенций и вербализации их безопасными способами*. Справедливо говорить о митигативном поведении, обусловленных во многом ситуацией общения. «Уязвимость» может проявляться в разных культурах и типах дискурса. На наш взгляд, в рассматриваемом коммуникативном событии – это возможность потерять свой авторитет как носителя институциональных функций. Реализуется феномен митигации за счет использования широкого набора тактик, реализуемых разноуровневыми языковыми средствами, что определяется типом дискурса. Сложилась традиция выделять 3 типа митигации: на уровне пропозиции (изменение модальных и семантических составляющих высказывания), иллокуции (выражение потенциально конфликтных иллокуций косвенными способами) и дейксиса (выведе-

ние нежелательных элементов пропозиции за пределы содержательной структуры высказывания). Хотя эти типы часто перекрывают друг друга [см. Thaler, 2012, с. 917]. Для ПДЛ наиболее характерны все три типа митигации. Основными митигативными тактиками можно назвать следующие: выведение адресата из фокуса при выражении потенциально конфликтных интенций, демонстрация неуверенности при выражении потенциально конфликтных интенций и субъективности мнения, эвфемизация, псевдосогласие, нивелирование проблемы, а также, наоборот, подчеркивание важности проблемы и своей вовлеченности в процесс её и мн. др. Митигативный эффект достигается за счет использования нескольких средств одновременно. Приведем пример. 23 января 2019 года на заседании СФ В. В. Якушев, министр строительства, отвечая на вопрос сенатора Л. З. Талабаева (представителя Приморского края) о сокращении объема непригодного для проживания жилищного фонда, вынужден использовать митигативные средства, так как разговор на обозначенную тему может негативно сказаться на имидже министра. ПДЛ в ответе добивается митигативного эффекта за счет использования разных митигативных средств. Министр подчеркивает намерение ответить честно (1), указывает на субъективность точки зрения и тут же демонстрирует неуверенность в высказанном предположении (2), затем включает в круг ответственных за проблему целый ряд органов власти (3). Причем в ответе министра реальная проблема, из-за которой возник вопрос, не называется прямо ('затягивание решения проблемы'), она вуалируется эвфемизмом «пробуксовка» (4): «Уважаемые коллеги, **честно говоря (1), мне кажется (2), если с этим проектом у нас еще будет (2) пробуксовка (4), то, наверное (2), будет стыдно. Причем должно быть стыдно и субъектам Российской Федерации, и муниципалитетам, и нам, как профильному министерству, и Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (2) ...**». Далее министр говорит об уже отработанных механизмах решения проблемы, но так и не примененных («*Причем должно быть стыдно и субъектам Российской Федерации, и муниципалитетам, и нам, как профильному министерству, и Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, потому что до этого момента, реализуя эту программу достаточно длительное время, мы довольно серьезно потренировались и отработали все механизмы*» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>)), показывает активное вовлечение в работу. Хотя, подчеркнем, ПДЛ использует глагол ограничительного

способа действия («*потренировались*») и наречие степени («*довольно*»), тем самым снижая иллюкативную силу высказывания и уходя от громких заявлений. Далее ПДЛ подчеркивает важность проблемы и сообщает, что государственная машина сегодня готова решить проблему аварийного жилья: «**Мне кажется, все региональные и муниципальные команды сегодня к реализации этого проекта готовы**» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>). В это высказывание опять используется вводное выражение с дуальной семантикой, одновременно подчеркивающее субъективность точки зрения и снижающее уверенность в своих словах. Далее министр описывает факторы, ограничивающие возможность решения обсуждаемой проблемы, на что указывает частотный эвфемизм «момент» (в значении 'фактор, мешающий решению проблемы'): «**Единственный момент – 28 февраля по поручению Президента Российской Федерации мы внесли изменения в федеральный закон № 185 и Жилищный кодекс, но дали дополнительные возможности субъектам Российской Федерации или, как мы говорим, дополнительные опции. И это не что-то выдуманное, взятое из космоса, это лучшие практики, которые субъекты наработали при реализации предыдущей программы. Поэтому мы их облачаем в нормативное регулирование, и у субъектов появится возможность использовать те денежные средства, которые они получают, на то, чтобы увеличить объемы сносимого аварийного фонда. <Объяснение сути изменения, демонстрация их выгоды для населения>**» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/>). Сдерживающими незамедлительное решение проблемы факторами оказываются поправки, инициированные президентом, вышестоящей властью, поэтому рассматриваются исключительно их положительные стороны («*лучшие практики*»). Завершает свой ответ министр приведением статистики, которая показывает, какое количество жилья нужно, но невозможно построить без усовершенствования законодательной системы. Начинается и завершается ответ на вопрос ритуализованной благодарностью, что характерно для ответов ПДЛ и реже встречается в вопросах депутатов/сенаторов. ПДЛ использует различные митигативные средства, когда выражает интенции, потенциально угрожающие авторитетности его институционального лица. Эта особенность коммуникативного поведения ПДЛ связана с его уязвимой позицией, тогда как митигативное поведение председательствующего связано с его обязанностью обеспечивать коммуникацию субъектов парламентского дискурса.

Заключение

Правительственный час – это форма взаимодействия разных ветвей власти, а именно – контроля представителями законодательной власти представителей исполнительной. Правительственный час проводится в верхней и нижней палатах парламента. Рассматривая его как коммуникативное событие, то есть как целостное, социально мотивированное, развивающееся в определенных пространственно-временных координатах взаимодействие нескольких коммуникантов, можно выделить ряд значительных сходств между правительственными часами в ГД и СФ, позволяющих рассматривать дискурс двух палат как единое коммуникативное пространство в данном конкретном исследовании.

Правительственный час – планируемое коммуникативное событие, проводится по заблаговременно подготовленным материалам в фиксированное время в зале заседания ГД/СФ.

Участники коммуникативного события – агенты (сенаторы и депутаты) и контрагенты (ПДЛ) парламентского дискурса представляют государственную власть, но контрагенты по отношению к агентам находятся в зависимой позиции, их отношения ассиметричны. Общение на уровне иерархических статусов подразумевает определенный сценарий и использование конвенциональных коммуникативных паттернов.

С точки зрения структуры правительственный час в ГД и СФ имеет одни и те же важнейшие элементы: отчет ПДЛ, выступление аудитора Счетной палаты, вопросы сенаторов/депутатов к ПДЛ, выступления сенаторов/депутатов по мотивам правительственного часа.

Уязвимая позиция ПДЛ делает его речь интенционально наиболее сложной, а потому интересной для прагмалингвистического анализа. ПДЛ использует широкий набор языковых средств, чтобы сохранить авторитет своего институционального лица.

Исследование коммуникативного поведения должностных лиц разного уровня в уязвимой позиции на фоне возрастающей роли устной публичной речи в современном политизированном коммуникативном пространстве [Боженкова, 2019, с. 81; Медиалингвистика, 2018, с. 8; Саакян, Северская 2011, с. 21] представляется перспективным.

Библиографический список

1. Алферов А. В. Парламентский дискурс: динамика жанрового пространства французского парламента / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова // Политическая лингвистика: проблематика, методоло-

гия, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Материалы международной научной конференции / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 13-15.

2. База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». Москва. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 08.10.2019).

3. Баранов А. Н. Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Москва : Знание, 1992. 64 с.

4. Боженкова Н. А. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н. А. Боженкова, П. А. Катышев, С. В. Ионова и др. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 76-92.

5. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Москва : КомКнига, 2005. 320 с.

6. Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм: история и современность // Вестник РУДН. Политология. 2007. № 1. С. 5-21.

7. Головина Н. М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3(41). С. 200-215.

8. Громько С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной Думе // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 217–224.

9. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 312 с.

10. Каракулова С. Ш. Реализация митигативной стратегии смягчения оценки в интервью с немецкими политиками // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 52-62.

11. Культура парламентской речи // Рос. АН, Ин-т рус. яз. Москва : Наука, 1994. 359 с.

12. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. Москва : Флинта, 2018. 442 с.

13. Регламент работы Государственной Думы РФ. Москва. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 12.01.2019).

14. Регламент работы Совета Федерации РФ. Москва. URL: <http://council.gov.ru/structure/council/regulations/32833/> (дата обращения: 12.01.2019).

15. Саакян Л. Н. Новые смыслы в актуальном политическом дискурсе сквозь призму корпусных исследований / Л. Н. Саакян, О. И. Северская // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. Т. 7, № 6. С. 20-25.

16. Сметанин А. В. Семантический контент-анализ выступлений депутатов Государственной Думы Российской империи: методологические аспекты // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 3 (26). С. 57–66.

17. Совет Федерации Федерального Собрания РФ: официальный сайт. Москва. URL:

<http://council.gov.ru/activity/meetings/> (дата обращения: 10.10.2019).

18. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты). Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009. 380 с.

19. Царьков П. Б. Понятие «языковой портрет» думского политика либерала // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 21. С. 53–69.

20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

21. Эзех А. О. Коммуникативное смягчение как результат дефокусирования в директивных речевых актах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 2016. № 2 (741). С. 135-143.

22. Bayley P. Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins, 2004. 372 p.

23. Bull P. Adverbial Discourse in Prime Minister's Questions / P. Bull, P. Wells // Journal of Language and Social Psychology. 2012. № 31(1). P. 30-48.

24. Caffi C. Mitigation. Amsterdam, Netherlands: Elsevier, 2007. 342 p.

25. Czerwionka L. A. Mitigation in Spanish Discourse: Social and Cognitive Motivations, Linguistic Analyses, and Effects on: dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Austin: The University of Texas at Austin, 2010. 260 p.

26. Flores-Ferrán N. Linguistic Mitigation in English and Spanish: How Speakers Attenuate Expressions. London, UK: Routledge, 2020. 246 p.

27. Fräser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics 4. Amsterdam, Netherlands: North-Holland, 1980. P. 341-350.

28. Malyuga E. N. Linguistic Pragmatics of Intercultural Professional and Business Communication. Luxembourg: Springer, 2018. 145 p.

29. Martinovski B. Mitigation Theory: An Integrated Approach // Appears in the Twenty-Seventh Annual Conference of the Cognitive Science Society. Stresa, Italy: Proceedings of Cog Sci, 2005. P. 1407-1412.

30. Schneider S. Mitigation // Interpersonal pragmatics. Berlin, Germany: Mouton de Gruyter, 2010. P. 253-269.

31. Mohammed D. Argumentation in Prime Minister's Question Time: Accusation of inconsistency in response to criticism (Argumentation in Context). John Benjamins Publishing Company, 2018. 174 p.

32. Thaler V. Mitigation as modification of illocutionary force // Journal of Pragmatics. 2012. № 44. P. 907-919.

Reference List

1. Alferov A. V. Parlamentskij diskurs: dinamika zhanrovogo prostranstva francuzskogo parlamenta = Parliamentary Discourse: Dynamics of French Parliamentary Genre Space / A. V. Alferov, E. Ju. Kustova, G. E. Popova // Politicheskaja lingvistika: problematika, metodologija, aspekty issledovanija i perspektivy razvitiya

nauchnogo napravlenija. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / gl. red. A. P. Chudinov. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2016. S. 13-15.

2. Baza dannyh «Stenogrammy zasedanij Gosudarstvennoj Dumy» = «Shorthand Notes of the State Duma Proceedings» Database. Moskva. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (data obrashhenija: 08.10.2019).

3. Baranov A. N. Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: tradicii i novacii = Parliamentary Debates: Traditions and Innovations. Moskva: Znanie, 1992. 64 s.

4. Bozhenkova N. A. Russkij politicheskij diskurs v fokuse lingvojekologii = The Russian Political Discourse in the Focus of Linguistic Ecology / N. A. Bozhenkova, P. A. Katyshev, S. V. Ionova i dr. // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie. 2019. T. 18, № 3. S. 76-92.

5. Borisova I. N. Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika = The Russian Spoken Dialogue: Structure and Dynamics. Moskva: KomKniga, 2005. 320 s.

6. Gaman-Golutvina O. V. Rossijskij parlamentarizm: istorija i sovremennost' = The Russian Parliamentary System: History and Present Time // Vestnik RUDN. Politologija. 2007. № 1. S. 5-21.

7. Golovina N. M. Parlamentskie «neparlamentskie vyrazhenija»: rechevaja agressija kak ritoricheskaja strategija v parlamentskom diskurse = 'Unparliamentary Language' in Parliament: Hostile Rhetoric as a Strategy in Parliamentary Discourse // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 3(41). S. 200-215.

8. Gromyko S. A. Osobennosti rechevoj agressii russkih nacionalistov v dorevoljucionnoj Gosudarstvennoj Dume = The Russian Nationalists' Hostile Rhetoric in the Prerevolutionary State Duma // Politicheskaja lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 217-224.

9. van Dejk T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Cognition, Language, and Communication. Moskva: Progress, 1989. 312 s.

10. Karakulova S. Sh. Realizacija mitigativnoj strategii smjagchenija ocenki v interv'ju s nemeckimi politikami = Implementation of the Assessment Mitigation Strategy in Interviews with German Politicians // Nauchnyj dialog. 2016. № 2 (50). S. 52-62.

11. Kul'tura parlamentskoj rechi = Parliamentary Speech Culture // Ros. AN, In-t rus. jaz. Moskva: Nauka, 1994. 359 s.

12. Medialingvistika v terminah i ponjatijah = Medialinguistics in Terms and Concepts: slovar'-spravochnik / pod red. L. R. Duskaevoj. Moskva: Flinta, 2018. 442 s.

13. Reglament raboty Gosudarstvennoj Dumy RF = The Rules of Procedure of the Russian State Duma. Moskva. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (data obrashhenija: 12.01.2019).

14. Reglament raboty Soveta Federacii RF = The Rules of Procedure of the Russian Council of Federation. Moskva. URL: <http://council.gov.ru/structure/council/regulations/32833/> (data obrashhenija: 12.01.2019).

15. Saakjan L. N. *Novye smysly v aktual'nom politicheskom diskurse skvoz' prizmu korpusnyh issledovanij = New Meanings in Contemporary Political Discourse through the Prism of Corpus-based Research* / L. N. Saakjan, O. I. Severskaja // *Nauchnye issledovanija i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika*. 2018. T. 7, № 6. S. 20-25.
16. Smetanin A. V. *Semanticheskij kontent-analiz vystuplenij deputatov Gosudarstvennoj Dumy Rossijskoj imperii: metodologicheskie aspekty = Semantic Content Analysis of Speeches of Imperial Russia's State Duma Deputies* // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Istorija*. 2014. № 3 (26). S. 57–66.
17. *Sovet Federacii Federal'nogo Sobranija RF = Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: oficial'nyj sajt*. Moskva. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/> (data obrashhenija: 10.10.2019).
18. Tahtarova S. S. *Kategorija kommunikativnogo smjagchenija (kognitivno-diskursivnyj i jetnokul'turnyj aspekty) = Communicative Mitigation Category (Cognitive-Discursive and Ethno-cultural Aspects)*. Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 2009. 380 s.
19. Car'kov P. B. *Ponjatie «jazykovej portret» dumskogo politika liberala = The Concept of a 'Linguistic Portrait' of the Duma Liberal Politician* // *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2010. № 21. S. 53–69.
20. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse*. Moskva : ITDGK «Gnozis», 2004. 326 s.
21. Jezeh A. O. *Kommunikativnoe smjagchenie kak rezul'tat defokusirovanija v direktivnyh rechevyh aktah = Communicative Mitigation as a Result of Defocusing in Directive Speech Acts* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. № 2016. № 2 (741). S. 135-143.
22. Bayley P. *Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*. Amsterdam, Netherlands : John Benjamins, 2004. 372 p.
23. Bull P. *Adverbial Discourse in Prime Minister's Questions* / P. Bull, P. Wells // *Journal of Language and Social Psychology*. 2012. № 31(1). P. 30-48.
24. Caffi C. *Mitigation*. Amsterdam, Netherlands : Elsevier, 2007. 342 p.
25. Czerwionka L. A. *Mitigation in Spanish Discourse: Social and Cognitive Motivations, Linguistic Analyses, and Effects on: dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy*. Austin : The University of Texas at Austin, 2010. 260 p.
26. Flores-Ferrán N. *Linguistic Mitigation in English and Spanish: How Speakers Attenuate Expressions*. London, UK : Routledge, 2020. 246 p.
27. Fräser B. *Conversational mitigation* // *Journal of Pragmatics* 4. Amsterdam, Netherlands: North-Holland, 1980. P. 341-350.
28. Maljuga E. N. *Linguistic Pragmatics of Intercultural Professional and Business Communication*. Luxembourg : Springer, 2018. 145 p.
29. Martinovski B. *Mitigation Theory: An Integrated Approach* // *Appears in the Twenty-Seventh Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Stresa, Italy : *Proceedings of Cog Sci*, 2005. P. 1407-1412.
30. Schneider S. *Mitigation* // *Interpersonal pragmatics*. Berlin, Germany : Mouton de Gruyter, 2010. P. 253-269.
31. Mohammed D. *Argumentation in Prime Minister's Question Time: Accusation of inconsistency in response to criticism (Argumentation in Context)*. John Benjamins Publishing Company, 2018. 174 p.
32. Thaler V. *Mitigation as modification of illocutionary force* // *Journal of Pragmatics*. 2012. № 44. P. 907-919.